

СТИХОТВОРЕНИЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКА “ГАМЛЕТ” В СВЕТЕ ЛЕРМОНТОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Т.А. МЕЛИКЯН

ГГПИ им. М. Налбандяна

В статье проводится анализ стихотворения Б.Л.Пастернака „Гамлет”, включенного в канву романа „Доктор Живаго”.

Отмечается духовная связь в творчестве Б.Пастернака и М.Лермонтова, влияние лермонтовской поэзии на произведения Пастернака.

Ключевые слова: Б.Пастернак, М.Лермонтов, движение к предметности, глубинные смыслы.

Для Б.Л. Пастернака величайшие поэты “золотого века” русской литературы Ф.Тютчев и М.Ю. Лермонтов были “вечными спутниками” (по терминологии Д.С. Мережковского, посвятившего славным поэтам прошлого цикл эссе “Вечные спутники”). Эти “спутники” сравнивались многими поэтами и писателями “серебряного века”, в частности – Д.С. Мережковским, с Вергилием, сопровождавшим Данте в странствиях по аду и раю. Они становятся своего рода покровителями и наставниками поэтов первой половины XX века, духовных наследников Серебряного века.

У Пастернака сформировалось особое отношение к Лермонтову, которое во многом определялось воспитанием и судьбой Бориса Леонидовича. В письме к сыну Евгению Б.Л. Пастернак писал: “Когда какие-то годы моей жизни шли у меня в сопровождении Тютчева, или меня сводил с ума Лермонтов, мне никогда не

приходило в голову, что еще лучше бы она шла под целый хор Тютчевых или при участии десяти Лермонтовых. Эта единственность требовалась мне, входила в состав своего ощущения, моего наслаждения их символической силой, их условностью, воздействием их одной за всех других” [6: Т. 5]. Для Пастернака Лермонтов – “это вечный спутник” и духовный брат.

“Пастернак и Лермонтов. Родные и врозь идущие, как два крыла” [9] – писала о духовной близости этих поэтов М.И. Цветаева. С Лермонтовым Пастернака сравнивали такие литераторы и литературоведы, как И.Эренбург, Д.Святополк-Мирский, Б.Эйхенбаум. В “Конспекте речи о Мандельштаме” (1933) Эйхенбаум писал о семантическом новаторстве Пастернака, о его преодолении слов и движении к предметности – к запаху, цвету, теме. Подобные черты были, по

мнению Эйхенбаума, свойственны и творчеству Лермонтова.

Тексты жизни и творчества Лермонтова стали в первой половине XX в. особенно актуальными благодаря статье Мережковского “Лермонтов. Поэт сверхчеловечества”. В этой статье Мережковский так писал о поэзии М. Ю. Лермонтова: “Стихи его для нас, как заученные с детства молитвы. Мы до этого привыкли к ним, что уже почти не понимаем. Слова действуют помимо смысла” [5: 356]. Эти слова Мережковского можно отнести и к поэзии Б. Л. Пастернака, поскольку стихотворения “Мело, мело по всей земле”, “Я дал разбежаться домашним”, “Никого не будет в доме, кроме сумерек”, “Гул затих, я вышел на подмости” можно повторять, как заученные молитвы, порой не задумываясь, не вчитываясь в глубинные смыслы проникновенных строк.

Однако эти глубинные смыслы часто сказываются связанными именно с творческим наследием Лермонтова. Проанализируем знаменитое стихотворение Пастернака “Гул затих, я вышел на подмости”. Уже первые его строки задают читателям и литературоведам загадку:

*Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске
Что случится на моем веку*
[6: Т. 3].

В толковом словаре Д. Н. Ушакова находим следующее определение подмостков: “1. Настил из досок на возвышении. 2. Вид сценической площадки: портативный помост из деревянных щитов и досок. П., устанавливаемыми под открытым небом, пользовались для представлений народные бродячие актеры различных стран (мимы в Древней Греции и Риме, исполнители итальянской комедии дель арте, западноевропейского фарса и т. д.) [8]. Однако далее в стихотворении фигурирует дверной косяк, к которому прислонился лирический герой, названный Гамлетом. В “Словаре символов” Х. Э. Керлота о двери и дверном косяке сказано, что с символической точки зрения они – зеркальное отражение мистического центра [3: 168].

Следовательно, прислонившись к двери, лирический герой этого стихотворения уподобляется актеру, наблюдающему за зрителями, и в то же время совершает некий ритуал, очень важный и для актера, и для поэта. Важность этого ритуала задана заглавием стихотворения “Гамлет”, его связью со знаменитым монологом шекспировского персонажа “Быть или не быть?”, начало которого в переводе самого Пастернака звучало так:

Быть или не быть – вот в чем вопрос.

*Достойно ли терпеть безропотно
позор судьбы*

Иль нужно оказать сопротивление?

Восстать, вооружиться, победить

Или погибнуть, умереть, уснуть?

*И знать, что этим обрываешь цепь
сердечных мук*

И тысячи лишений, присущих телу!
[6: Т. 3].

В переводе М.Л. Лозинского тот же монолог звучит несколько иначе:

*Быть или не быть – таков вопрос;
Что благородней духом –
покоряться*

*Працам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить
их [10].*

В переводе Пастернака Гамлет оказывается перед следующим выбором: “терпеть безропотно позор судьбы / Иль нужно оказать сопротивление?”.

Гамлет в пастернаковском переводе ищет несколько иного ответа на вопрос: “Быть или не быть”. Для него “быть” – значит, безропотно смириться и терпеть, “не быть” – оказать сопротивление. В стилистике сталинской эпохи Гамлет спрашивал не только о том, стоит ли отомстить Клавдию за смерть отца, но и о том, как “быть”, каким образом выжить в условиях подавления личности и репрессий. Гамлет – лирический герой одноименного стихотворения Пастернака – именно этот вопрос задает самому себе, “прислонясь к дверному косяку”, совершая некий магический ритуал, т.е. ловит “в дале-

ком отголоске”, то, что “случится” на его веку [6: Т. 3].

Пастернак, как и Гамлет в его переводе шекспировской трагедии, предпочел “терпеть безропотно позор судьбы”. Пастернак твердо знал, что все худшее позади. Он прощен и нужен... В письме родителям от 23 июня 1934 года он писал: “Спасает меня одно то, что ко мне очень (в самых разнообразных и прямо другу другу противоположных частях общества) хорошо относятся. На прошлой неделе мне даже (в первый раз в жизни) позвонил сам Сталин, и вы не представляете себе, что это значит” [6: Т. 5].

В стихотворении “Гамлет” присутствует такое обращение к Отцу Небесному:

*Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.*

*Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.*

Можно предположить, что в этих стихах идет речь о роли поэта-пророка, традиционной для русской поэзии. Мережковский писал: “Лермонтов в жизни один, в творчестве идет к людям; пусть не доходит, но идет; пусть ненавидит, но не бесстрастен. “Бывало, мерный стук твоих могучих слов / Воспламенял бойца для битвы, - говорит Лермонтов. Поэт – кинжал, “спутник героя: “Не по одной груди провел он страшный след / и не одну порвал кольчугу”; Созерцание: отречение от действия для Пушкина – спасение, для

Лермонтова – гибель поэта, ржавчина клинка” [5].

Однако драма, о которой говорится в стихотворении Пастернака “Гамлет”, страшнее лермонтовской духовной гибели бездействующего поэта, чьи стихи подобны покрывшемуся ржавчиной кинжалу. В исторической драме сталинского периода были иные правила: любой ценой сохранить гибнущую, уничтожаемую властью культуру.

Отсюда отчаянный возглас лирического героя стихотворения “Гамлет”: “Я один, все тонет в фарисействе./Жизнь прожить – не поле перейти”. Ключом к истинному пониманию этих строк, безусловно, является уточнение семантики слова “фарисейство”. В Библейской энциклопедии Брокгауза читаем: ”Фарисеи (ивр.) – религиозно-общественное течение в Иудее в эпоху Второго Храма, одна из трех древнееврейских философских школ, возникших в эпоху расцвета Маккавеев (II в. до н.э.), хотя возникновение фарисейского учения может быть отнесено к времени Ездры. Учение фарисеев лежит в основе Галахи и современного ортодоксального иудаизма. Название “фарисеи” возникло в начале II века до н.э. Слово “фарисей” является производным от ивритского корня, имеющего значение “отделяться”, “обособляться”, и означает “отделив-

шиеся” [2]. Изначально “фарисеи” было прозвищем (в смысле “отступники”, “еретики”), которое она получили от своих противников саддукеев, но затем оно приобрело уважительный оттенок” [2].

Иными словами, появилось фарисейство как духовное и религиозное течение в то время, когда, “по возвращении из вавилонского пленения, голос пророков замолк и живой источник этической религии иссяк” [2], когда еврейский народ оказался недостаточно подготовленным для той высокой роли, которую предназначали ему пророки. Предпосылкой возникновения фарисейства стало противоречие между истинной и внешней, обрядовой стороной Моисеевых заповедей. Тогда в еврействе возникло новое направление, представителем которого был Ездра, видевший спасение народа в строгом исполнении Моисеева закона, представляющего собой гармоническое сочетание обрядовой религии священников и этической религии пророков.

Созданное Ездрой всенародное собрание письменным договором подтвердило обязательность Моисеева закона на вечные времена. Народ действительно стал подчиняться закону, считая одинаково важными как высокие нравственные принципы, в нем изложенные, так и многочисленные, чисто внешние

обряды. При этом внешняя, обрядовая сторона оказывалась все более и более важной, чем истинная, духовная ее составляющая. С воцарением Маккавеев противоречия между буквой древнего закона и жизнью еще более усилились, что послужило исходной точкой для упрочения позиций фарисеев.

Фарисеи искренне верили букве Закона, считали, что закон существует для того, чтобы его добросовестно исполняли. Однако дух Закона при этом был утрачен.

Отношения Иисуса с фарисеями изображены в Евангелиях неоднозначно. С одной стороны, Иисус говорит о необходимости соблюдать все, чему учат фарисеи, с другой стороны критиковал их за то, что они сами не соблюдают то, чему учат: "На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают" [2]. Понимание "фарисейства" как лицемерия и ханжества характерно именно для ленинско-сталинской эпохи воинствующего атеизма.

В каком же значении употребил Б.Л. Пастернак слово "фарисейство"? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, следует учесть, что финальная фраза стихотворения "Гамлет" – "Жизнь прожить – не поле перейти" – не только известная русская посло-

вица, но и аллюзия к известному среди поэтов "серебряного века" стихотворению А.Н. Апухтина. Обратимся к апухтинскому тексту:

"Жизнь пережить – не поле перейти!"

Да, правда: жизнь скучна и каждый день скучнее;

*Но грустно до того сознания дойти,
Что поле перейти мне все-таки труднее! [1].*

Апухтин говорит о неистребимой скуке жизни, которую нужно "пережить", Пастернак – о глубоком драматизме эпохи. У Апухтина мы находим иронию и скепсис, у Пастернака – осознание непоправимой трагичности той эпохи, в которой ему довелось жить.

С нашей точки зрения, под фарисейством Пастернак понимал псевдоидеалы правящей Коммунистической партии Советского Союза, которые выражались следующим образом: "Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продавших врагу нашу Родину, расстрелять как поганых псов!.. Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа. А над нами, над нашей счастливой страной, по-прежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце.

Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем – великим Сталиным – вперед и вперед к коммунизму!” [7].

Выжить среди фарисеев сталинской эпохи, по Пастернаку, уже почетно, тем более, если выживает поэт. В стихотворении “Гамлет” ощущается именно одиночество поэта, противопоставленного фарисейскому миру. Подобные мотивы созвучны лермонтовскому “Пророку”:

*С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злости и пророка.*

*Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.*

*Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;
Завет предвечного храня [4].*

Именно благодаря сравнению со строками лермонтовского стихотворения “Пророк”, герой которого наказан людьми за Божий дар (“Он горд был, не ужился с нами, / Глупец, хотел уверить нас, / Что бог гласит его устами”) [4], видна истинная трагичность строк пастернаковского стихотворения “Гамлет”. В строках из “Гамлета”: “На меня на-

ставлен сумрак ночи/Тысячей биноклей на оси” присутствует образ презираемого толпой поэта. Очень важна для анализа символическая составляющая этих строк.

Бинокль – это стократ увеличенные очки, в то же время символизируют “отточенный взгляд образованного искателя” [3: 364]. Очки сопровождают изображения учителя церкви Св.Иеронима (348 – 420 гг. н. э.), который считается покровителем ученых, хотя подобное приспособление во время его жизни еще не было в употреблении. С другой стороны, в просторечии шарлатанов называют “продавцами очков” (продавать очки – обманывать, надувать). Отсюда и пошло выражение, что некоторые люди все видят “сквозь розовые очки”. У Себастьяна Франка находим следующее выражение: “У кого на глазах ослепительно голубые очки, тому все вещи кажутся в ослепительном голубом свете” [3: 364].

Сумрак ночи, “наставленный” на поэта тысячью театральных биноклей на оси, - это образ-символ, связанный с “мировым хаосом”, тьмой небытия, наступающей на хрупкий мир культуры и грозящей его уничтожить. Сумрак ночи, мировая тьма, наблюдает за поэтом, сражается за его душу, пытается перетянуть его на свою сторону, но тщетно. Поэт, как писал А.Блок, - это “ди-

тя добра и света”, “в нем – свободы торжество” (“О, я хочу безумно жить...”). Можно сказать, что “переживание” Лермонтова, погружение в его творчество, было для Пастернака своеобразным

постижением самого себя, обращением как к поэтическому, так и к экзистенциальному феномену поэтического ремесла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апухтин А.Н. Жизнь прожить – не поле перейти. Библиотека поэта. Л., 1961.
2. Библейская энциклопедия Брокгауза. -М.: “Слово”, 1999.
3. Керлот Х.Э. Словарь символов. -М., 1934.
4. Лермонтов М.Ю. Лирика. М., 2009.
5. Мережковский Д.С. Лермонтов – поэт сверхчеловечества //Михаил Лермонтов. Pro et contra. -М., 2002.
6. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: В 5 т. -М.: “Художественная литература”, 1989.
7. Соколов В.В. Вышинский Андрей Януарьевич. Страницы истории //Дипломатический вестник. 2002.
8. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. -М., 2009.
9. Цветаева М.И. Световой ливень. Поэзия вечной мужественности [Электронный ресурс] // <http://lib.rus.ec.326195/read>
10. Шекспир В. – Гамлет /в переводе М.Л.Лозинского [Электронный ресурс] // <http://shekspir/info.snow>

Բ.Լ. Պաստերնակի «Համլետ» բանաստեղծությունը լերմոնտովյան գրական ավանդության լույսի ներքո

Տ.Ա. Մելիքյան

Գյումրու Նալբանդյանի անվան ՊՄԻ

Հոդվածում վերլուծվում է Բորիս Պաստերնակի «Համլետ» բանաստեղծությունը, որը ներառվում է «Յուրի Ժիվագո» վեպում: Նշվում է Բորիս Պաստերնակի և Միխայիլ Լերմոնտովի հոգևոր կապը, Լերմոնտովի ազդեցությունը Պաստերնակի ստեղծագործություններում: Մասնավորապես, Լերմոնտովի «Մարգարե» բանաստեղծության գրական կերպարներն արտացոլված են Պաստերնակի «Համլետ» բանաստեղծության մեջ:

Հանգուցային բառեր՝ Բորիս Պաստերնակ, Միխայիլ Լերմոնտով, հոգևոր կապեր, բառի նշանակություն: